

ЕРЕМИНА Марина Артуровна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
«ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ТРУДУ»
В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность: 10. 02. 01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2003

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Е.Л. Березович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
О.А. Михайлова
кандидат филологических наук, доцент
Е.В. Дзюба

Ведущая организация: **Пермский государственный педагогический университет**

Защита состоится “___” _____ 2003 г. на заседании диссертационного совета Д 212. 286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан “___” _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

М.А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реконструкция ценностных понятий духовной культуры через призму языковых данных в современной русистике осуществляется активно и разнообразно (см. серию “Логический анализ языка”, исследования Ю.Д. Апресяна, А. Вежицкой, И.М. Кобозевой, М.Л. Ковшовой, В.В. Колесова, Н.А. Купиной, И.Б. Левонтиной, О.А. Михайловой, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной, И.А. Стернина, В.Н. Телия, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева, Л.О. Чернейко и др.). В базовый человеческий “пакет ценностей”, наряду с отношением к окружающим людям, к истине, к собственности и др., несомненно, входит и *отношение к труду*, являющееся психологической составляющей представлений о труде. Это обстоятельство обусловило регулярно возобновляемый и неисчерпаемый интерес исследователей-лингвистов к понятию и слову *труд*.

Настоящая работа, продолжающая и развивающая традиции лингвистического изучения аксиологических понятий, обращается к лексико-фразеологическому фонду русских народных говоров, отражающему отношение человека к труду. Отношение носителя языка к труду проецируется на семантику языковых единиц и выделяется как объект языковой концептуализации. Последняя понимается как процесс интерпретации, обобщения и закрепления в языковых единицах свойств объекта и отношения к нему субъекта. В ходе этого процесса формируется обширное лексико-семантическое поле “Отношение человека к труду”, которое является сферой реализации концепта и может быть квалифицировано как концептуальное.

Рассмотрение лексико-семантического поля “Отношение человека к труду” в призме народной духовной культуры позволяет отнести данное исследование к этнолингвистическому направлению современного языкознания. В славистике это направление связывается в первую очередь с трудами представителей московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого и С.М. Толстой и люблинской школы под руководством Е. Бартминьского; ср. также работы А.Ф. Журавлева, С.Е. Никитиной, В.М. Мокиенко, Т.И. Вендиной, И.А. Подюкова, О.А. Черепановой, А.В. Юдина, О.И. Блиновой, В.И. Коваля, М.Э. Рут, Е.Л. Березович и др. Этнолингвистический аспект исследования, помимо общей установки на реконструкцию традиционной символической картины мира, предполагает анализ языка в ряду других форм культуры (обрядов, фольклора, изобразительного искусства), внимание к ареальному характеру языковых и культурных фактов.

Нацеленность этнолингвистики на выявление комплекса народных представлений о мире определяет преимущественное внимание к наиболее информативным в этом плане языковым явлениям – семантике и мотивации языковых единиц. Поэтому предпринимаемый в настоящей работе анализ проводился в двух плоскостях, представляющих семантическую и мотивационную структуры изучаемого поля. Принципы организации пространства смыслов, раскрывающие логику носителя языка, более наглядно проявляются при сравнении; поэтому нами была предпринята попытка сопоставительного анализа лексики положительной и отрицательной оценки по отношению к труду.

В изучении темы человека и труда лингвистикой уже освоены различные подходы: структурно-семантический, этимологический, сопоставительный, концептуальный (см. работы Г.Н. Анферовой, Е.И. Буровой, Ж.Ж. Варбот, Л.Е. Кругликовой, И.Б. Левонтиной, Н.А. Лукьяновой, М. Мазуркевич-Бжозовской, Т.В. Матвеевой, Е.В. Петрухиной, З.И. Сметаниной, Г.В. Токарева, С.М. Толстой, Л.Н. Храмцовой и др.). В то же время значительный по объему пласт русской диалектной лексики, характеризующей представления человека о труде и хранящей особенности традиционного мировоззрения, еще не получил системного рассмотрения в плане выявления этнокультурных установок носителя языка.

Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена значимостью реконструкции традиционных представлений о мире по данным системы языка, а также отсутствием в современной русистике исследований, в которых производится комплексный этнолингвистический анализ одного из важнейших для народной аксиологии концептов – концепта труда.

Цель исследования – охарактеризовать фрагмент русской народной языковой картины мира, связанный с определением отношения человека к труду, на основании этнолингвистического анализа лексико-семантических полей “Положительное отношение к труду” и “Отрицательное отношение к труду” в русских народных говорах.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) выявить параметры словарной дефиниции, позволяющие осуществить выборку лексики изучаемых полей из лексикографических источников, и провести выборку; 2) определить структуру семантических полей “Положительное отношение к труду” и “Отрицательное отношение к труду” на основе компонентного анализа единиц и охарактеризовать особенности наполнения секторов поля; 3) произвести ономастиологическую классификацию лексических единиц; 4) выявить и описать набор базовых семантических моделей на мотивационном уровне концептуальных полей; 5) осуществить сопоставительную характеристику концептуальных полей на каждом уровне содержания; 6) охарактеризовать этнокультурную информацию, содержащуюся в исследуемых лексических полях, в свете категории трудовой нравственности.

Материалом для исследования послужили лексические и фразеологические единицы русских народных говоров, имеющие в своей семантике признак ‘отношение к труду, делу, работе’. Выборка материала осуществлялась, во-первых, при помощи слов-идентификаторов, т.е. лексем, однозначно и наиболее репрезентативно реализующих соответствующие идеи (*отрицательное отношение к труду* – ‘лентяй’, ‘лентяйничать’, ‘лениво (работать)’, ‘лежебока’, ‘праздно (жить, проводить время)’, ‘вести праздный образ жизни’, ‘праздный’, ‘тунеядец’, ‘тунеядствовать’, ‘дармоед’, ‘бездельник’, ‘бездельничать’, ‘без дела’, ‘уклоняться от дела’, ‘отлынивать (от дела)’; *положительное отношение к труду* – ‘трудолюбивый’, ‘рабятящий’, ‘работать усердно/ старательно/ прилежно/ не покладая рук’); во-вторых, при наличии комплексного определения, в котором признак ‘отношение к делу’ как бы “аккумулируется” (ср. *охобачивать* ‘делать что-либо ловко, быстро, хорошо’).

Состав лексико-семантического поля “Отношение человека к труду” был определен в ходе фронтальной выборки из русских диалектных словарей, среди которых: Словарь русских народных говоров, Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, Словарь русских говоров Среднего Урала (и Дополнения), Архангельский областной словарь, Новгородский областной словарь, Псковский областной словарь, Словарь вологодских говоров, Словарь русских говоров Карелии, Словарь говоров Русского Севера, Словарь русских говоров северных районов Красноярского края, Словарь русских говоров южных районов Красноярского края, Словарь русских донских говоров, Словарь смоленских говоров, Фразеологический словарь русских говоров Сибири.

Наиболее подробно и полно в нашем материале представлены данные говоров Русского Севера; полнота была достигнута тем, что, помимо диалектных словарей, в качестве источника материала была использована обширная лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ, составленная на основе полевых записей по территории Архангельской, Вологодской, Костромской, Кировской и Ярославской областей (картотека хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького).

В качестве определенного лексического фона нами были привлечены факты лексики и фразеологии литературного языка, жаргона и просторечия.

Анализ материала осуществлялся с помощью следующих **методов**: методы компонентного семантического анализа, семантической реконструкции, ономастического и этимологического анализа, концептуального анализа, методика лингвистического портретирования. Также были использованы сопоставительный и статистический методы.

Научная новизна диссертационного исследования определяется комплексным этнолингвистическим подходом к изучению языковых источников информации о значимом фрагменте народной аксиологии – характеристике отношения человека к труду. В научный оборот введен обширный диалектный материал, в том числе содержащийся в неопубликованных источниках и собранный в полевых условиях.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней апробированы принципы этнолингвистического анализа лексико-семантического поля, сочетающего характеристику его семантической и мотивационной структуры (на материале поля “Отношение к труду” в русских народных говорах). Идеи и выводы работы имеют ценность для изучения идиоэтнической семантики языка. В работе предлагаются семантические реконструкции и этимологии для ряда лексем и фразеологизмов с затемненной внутренней формой.

Практическая значимость. Результаты и выводы работы могут быть использованы в вузовских курсах по диалектологии, спецкурсах по этнолингвистике, ономастологии, этимологии. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы при составлении словарей идеографического типа и уточнении лексикографического описания изучаемых лексем.

Апробация работы. Основные положения были изложены автором в докладах на ежегодной региональной научной конференции “Актуальные пробле-

мы лингвистики: Уральские лингвистические чтения” (Екатеринбург, 1999), Всероссийской конференции “Язык. Система. Личность” (Екатеринбург, 1999, 2001), Международной конференции “Лингвокультурологические проблемы толерантности” (Екатеринбург, 2001), Восьмой Российской научно-практической конференции “Сельская Россия: прошлое и настоящее” (Орел, 2001), IV Международной научной конференции “Русская диалектная этимология” (Екатеринбург, 2002). По теме исследования опубликовано 8 работ.

Структура работы. Работа включает введение, две главы и заключение. Общий объем работы составляет ____ страниц, из которых ____ страниц составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обосновывается актуальность избранной темы, рассматривается состояние разработки вопроса, характеризуется материал и принципы его отбора, формулируются цель и основные задачи исследования, описывается структура работы.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ (*Семантическая организация концептуальных полей “Положительное отношение к труду” и “Отрицательное отношение к труду”*) осуществляется анализ семантической структуры двух составляющих поле “Отношение к труду” лексико-семантических множеств, характеризующих положительное и отрицательное отношение к труду (§ 1 и 2); а также их сопоставление с целью выявления специфичных для каждого поля особенностей его формирования (§ 3).

Принцип организации обоих множеств определяется как полевая структура, которая имеет: а) ядро (семантический компонент, соотносимый с семантикой всех единиц поля), б) смысловые зоны поля – его сектора или “субполя” (семантика единиц, наполняющих сектор, актуализирует определенный аспект ядерной семантики; в нашем случае таких аспектов – и, соответственно, секторов – три: процессуальный, субстанциональный, признаковый; аспект действительности может быть представлен рядом денотативных ситуаций, что делит сектор на разделы, состоящие из частных идеограмм), в) модификационный компонент (сема, которая варьирует идеограммы сектора); г) связи с другими, “соседними” семантическими полями. В силу того, что корреляции между единицами семантического поля определяются в конечном итоге логическими отношениями, ядро поля также выделяется на логических основаниях. Это признак, обозначающий отношение к труду и выражаемый понятиями лени /праздности /безделья и трудолюбия, т.е. отрицательного и положительного отношения к труду. Компонентный анализ общенародных и диалектных лексем, представляющих ядерные понятия, задает принципы выделения секторов изучаемого поля.

“Зерном” идеи трудолюбия является эмоциональный настрой на работу (*зависть* ‘трудолюбие, желание работать’, *живинка* ‘особый интерес к определенной работе, увлечение каким-либо делом’, *рука гудит* ‘о желании что-нибудь сделать’); отрицательное отношение к труду, проявляемое как нежела-

ние работать (*руки валяются, губы на локоть* ‘о нежелании работать, что-либо делать’), вместе с тем тесно связано с физическим состоянием, недееспособностью субъекта (*лихость* ‘дремота, лень’, *прокладство, прохладство* ‘медлительность, неповоротливость, лень’). Внешнее проявление трудолюбия представляет собой качественное выполнение работы (*радивость* ‘усердие, старание, прилежание’, *прилога* ‘прилежание, умение, навык’, *проворье* ‘быстрота, ловкость в движениях, в работе’). Отрицательное отношение к труду также реализуется в процессе деятельности – в свойстве нерадивости (*неохоть, нерадейство, абыканье* ‘леность, отсутствие усердия, нерадивость’), но, помимо этого, может мыслиться отвлеченно от трудового процесса и находит выражение в определенной бытийной ситуации – отсутствии дела (*руки к сердцу* ‘о праздной, вольготной жизни, когда мало приходится работать’ (*Раньше работали с утра до ночи на пашне, а сейчас мы руки к сердцу и посиживаем*)).

Специфика языкового воплощения идеи праздности в лексике говоров заключается в отсутствии фактов, представляющих лень как состояние ума, нежелание человека совершать бессмысленные действия, тратить силы впустую, что имеет место в сознании носителя литературного языка¹.

Охарактеризовав ядро изучаемого поля, переходим к описанию секторов. Структурирование поля, нацеленное на выделение секторов, подчиняется универсальной логической структуре: *признак – деятельность, в которой проявляется признак – носитель признака*. При этом наблюдается несовпадение в разработке смыслов внутри признакового, процессуального и субстанционального секторов. Покажем это на примере сектора, отвечающего за процессуальное проявление признака, и сектора, характеризующего носителя признака.

В рамках *процессуального сектора* поля “Отрицательное отношение к труду” структура денотативного пространства определяется различными ситуациями. Наиболее представительно в количественном отношении в диалекте разработана ситуация, к которой приложимо определение **‘проводить время попусту, праздно, бездельничать’** (60 % от числа всех глаголов и фразеологизмов с опорным глагольным компонентом), выражающее субъективную оценку содержания времяпрепровождения человека. Но языковое сознание не удовлетворяется общей оценкой и стремится ее конкретизировать – в виде фиксации более частных значений: **‘ходить, бродить, слоняться без дела’** (*бродяжить* ‘ходить, слоняться без дела’), **‘испытывать состояние физической недееспособности или нежелания работать’** (*разлеживать* ‘не выходить на работу, лениться’), **‘сидеть без дела’** (*банкетать, летовать* ‘бездельничать, сидеть без дела’), **‘проводить время в бессодержательных разговорах’** (*растобаривать* ‘разговаривать от безделья’, *пробалабонить* ‘провести время в бессодержательных разговорах, пробездельничать’), **‘шалить, дурачиться от безделья’** (*пустовать* ‘шалить, заниматься бездельем’, *крутить псам хвосты* ‘бить баклуши, дурака валять’), **‘заниматься несерьезными делами, пустяками’** (*нит-*

¹ См.: Левонтина И.Б. Ното piger // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 108.

ки *мотать* ‘заниматься бесполезным делом’, *выдуривать* ‘бездельничать, заниматься пустяковыми делами’).

Из перечисленных способов праздного времяпрепровождения языковая семантика наиболее часто отражает тот, который характеризует двигательную активность субъекта (*вешаться*, *недриться* ‘слоняться, бродить, переходя с места на место без особого занятия, дела’). Маркировка данного раздела сектора обусловлена актуальностью сразу двух ценностных установок. Во-первых, ситуация хождения, брожения, шатания интерпретируется говорящим относительно цели движения, интенций субъекта, которые зачастую определяются как недостойные². Таким образом, носитель русского языка оценивает с этических позиций определенный поведенческий стиль. Во-вторых, хождение без дела может трактоваться как способность двигаться, действовать, не проявленная в должном виде, т.е. в работе; пресуппозиция “мог бы, а не работает” обнаруживает прагматическую, утилитарную установку.

Другая ситуация, варьирующая процесс проявления признака лени /праздности, формирует раздел **‘выполнять работу определенным образом’**. К нему относятся глаголы, содержащие в своей семантике оценку качества выполнения деятельности. Круг оснований для оценки этих качеств ограничен следующими параметрами: **ответственность за результат работы** (*мужлить* ‘делать что-либо небрежно’, *работать на клин* ‘работать безответственно, спустя рукава’) / **желание работать** (*лягать* ‘делать что-либо неохотно, еле-еле’, *прохирять* ‘лениво работать’,) / **затрата времени** (*размигуливать* ‘мешкать, медлить, лениво, неохотно работать’, *на опаре киснуть* ‘делать что-либо крайне медленно, лениво’) / **уровень квалификации** (*болестевать* ‘делать что-либо без плана, халтурить’, *гаметь* ‘делать что-либо неумело, не так, как надо’) / **затрата сил** (*сужей не рвать* ‘работать не в полную силу, не перетруждаясь’, *мячками работать* ‘работать с прохладцей’) / **объем работы** (*палку перекинуть* ‘плохо и мало работать’, *потютюкаться* ‘поработать немного, не в полную силу’) / **общая оценка** (*делать на шаль* ‘делать не так, как надо, наоборот’). В данном рейтинге обращает на себя внимание обилие лексических воплощений такого аспекта оценки, как *затрата времени*. Особое внимание к тому, насколько быстро человек выполняет работу, объясняется тем, что затрата времени является одним из основных “кооперативных” показателей работы – с одной стороны, если кто-то работает медленнее других, то теряется необходимый для ряда работ ритм и ухудшается общий результат, с другой стороны, работая медленно, человек отстает от других, заставляет себя ждать при перемене работы. Этнокультурным контекстом здесь является ценность для носителя традиционного сознания согласованной коллективной работы.

Содержание другого раздела процессуального сектора определяется в отношении образа жизни лентяя и формулируется как **‘жить определенным образом, проявляя отрицательное отношение к труду’**. В данном случае обращает на себя внимание различие точек зрения, с которых дифференцирует-

² Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. М. 2001. С. 274.

ся праздная жизнь – с одной стороны, акцент ставится на качестве этой жизни (*с прокладью жить* ‘жить без трудов, в довольстве, роскоши’, *в гуленьки удариться* ‘начать вести праздную, разгульную жизнь’), с другой стороны, оценка осуществляется относительно другого субъекта, являющегося в этом случае “материально пострадавшей стороной” (*нетуняться* ‘жить чужим трудом, бездельничать’, *на лалах жить* ‘жить праздно, за чужой счет’).

В семантической структуре процессуального сектора также выделяется ситуация уклонения от работы. Репрезентация этой ситуации основывается на фиксации способов, которыми она осуществляется. В целом их можно квалифицировать как “физический” – не присутствовать при работе (*бродить* ‘ходить из одного места в другое, избегая дела’, *нерачать* ‘бегать от дела, лодырничать’) и “психологический” – искать повод для освобождения от труда (*отлыгивать*, *отпешивать* ‘под тем или иным предлогом уклоняться от работы, перекладывая ее на других’).

Единицы разных разделов процессуального сектора способны к **модификациям**. Модификации подвергаются следующие элементы семантической структуры: **фазовость** (*забездельничаться* ‘начать бездельничать’, *обезделоваться* ‘остаться праздным без дела’) и **субъект-каузатор** (*обленивать* ‘делать ленивым’, *галавесить* ‘от своего дела бегать и других отклонять’). Аспект модификации имеет свои предпочтения среди разделов сектора. Так, фазовость в большей степени свойственна лексическим единицам раздела ‘проводить время попусту, праздно, бездельничать’. При этом если начало процесса связывается, как правило, с ситуацией безделья /праздности, то конечный этап касается состояния лени и приобретает характер не окончания процесса, а его следствия, оцениваемого преимущественно с морально-нравственной позиции (*извыреть*, *испрокудиться* ‘привыкнуть к дурным поступкам, избаловаться от безделья’).

Семантика лексем, составляющих процессуальный сектор в поле “Положительное отношение к труду”, дифференцируется не на основе различения денотативных ситуаций, соотносимых с понятием отношения к труду, а в результате актуализации определенных оценочных шкал, в соответствии с которыми носитель языка выражает свою оценку ситуации выполнения работы.

Набор оснований (аспектов, параметров) оценки, общий для всех секторов поля “Положительное отношение к труду”, выявился при анализе лексических единиц поля путем выделения сем, представляющих оценочную квалификацию деловых качеств субъекта и выполняемых действий: **желание работать, привычка к труду** (*оберучь* ‘прилежно, охотно; изо всех сил’, *ручной человек* ‘человек, способный, привычный к делу’, *копиться* ‘усердно заниматься чем-либо, корпеть’) / **ответственность за результат работы** (*не помелом делать* ‘делать что-либо добросовестно’) / **уровень квалификации** (*армизон* ‘знающий, способный на всякое дело человек’, *делальщица* ‘умелая женщина, мастерица, работница’) / **координация действий** (*как огонь* ‘о быстром, ловком, работающем человеке’, *охобачивать* ‘делать что-либо с усердием, быстро, хорошо’) / **затрата времени на выполнение** (*проваривать* ‘быстро, проворно выполнять работу’) / **затрата физических сил** (*петаница* ‘женщина, которая много и напряженно трудится’, *дорбанить* ‘работать долго и с большой затратой сил’) /

объем работ (двойник 'об очень много, за двоих работающем человеке') / **степень занятости** (копостник 'трудолюбивый человек, постоянно чем-то занимающийся') / **отношение к другим работникам** (впервых 'лучше других, опережая других в каком-нибудь деле', как *топор за поясом* 'тот, кто постоянно помогает, всегда вместе на работе') / **нацеленность на результат** (настоять 'упорно и настойчиво трудиться') / **общая оценка** (гарты 'хорошие работники').

Представленный набор оценочных оснований интересен в следующих отношениях:

а) *степень языковой реализованности параметра в виде той или иной идеогаммы или номинативной единицы*. Наиболее часто носитель языка оценивает человека в труде на основании его желания работать и уровня квалификации в деле;

б) *соотношение между идеограммами, раскрывающими одно оценочное основание*. О проработанности в языковом сознании параметра *уровень квалификации* свидетельствует оппозиция реализующих его смыслов (дельнец 'деловой, работающий человек, мастер своего дела' – *оторва* 'о том, кто на все руки мастер'), которая отчасти отражает различие типов трудолюбивых людей по складу характера: кто-то дотошно ищет себя в одном деле, кто-то предпочитает разнообразие работ и форм проявления;

в) *типичные "сценки" оценочных смыслов в рамках одного значения*. Практически во всех возможных сочетаниях предстает аспект, который мы называли *ответственность за результат работы*. Достаточно частотной является взаимосвязь параметров *координация действий* и *уровень квалификации в деле*. Логика здесь очевидна: наблюдая ловкость и согласованность действий, носитель языка делает вывод о том, что это следствие определенной деловой квалификации. Оценка *скоординированности действий* также часто идет рука об руку с вниманием к *затрате времени* при работе; т.е. носитель языка естественным образом связывает скорость выполнения работы с отсутствием лишних действий или движений. В свою очередь *быстрота* и *проворность* предполагают затрату физических сил, что приводит к распространенному сочетанию в одной семеме признаков типа 'быстро' и 'усиленно'. Кроме того, параметр *затрата физических сил* достаточно регулярно вступает в "партнерские" отношения с оценкой *объема работ*; причинно-следственные отношения здесь можно представить как двунаправленные;

г) *смысловая наполненность конкретных идеогамм*. Диалектный материал демонстрирует, что, наряду с общей оценкой нацеленности на результат (*настоять* 'упорно и настойчиво трудиться'), для трудолюбивого человека свойственно стремление к одной вполне конкретной цели – приобретение чего-либо материального (например, денег), причем, скорее, для себя: ср. *дерун* 'человек, не жалеющий сил для работы на себя', *казнодей* 'человек, работающий исключительно из-за денег, но не скряга'. Подобным образом традиционное сознание стремится обратить нематериальное "желание работать" к практическим нуждам.

В процессуальном секторе поля "Положительное отношение к труду" модификация осуществляется по таким признакам, как **фазовость процесса** (*порасшиньгать* 'начать быстро, проворно работать', *на плечах заработать* 'зара-

ботать ценой больших усилий’), **субъект /процесс, каузирующий появление делового качества** (*приломать* ‘приохотить к делу, научить’, *изуметь* ‘научиться хорошо делать свое дело’).

При сопоставлении двух полей обращает на себя внимание различие в логике фазовых модификаций: результат процесса лени предстает в виде морального порока, результат усердного труда лежит в плоскости материальных приобретений. В первом случае актуальна этическая, во втором – утилитарная оценка.

Переходя к **субстанциональному сектору** полей, отметим, что характеристика носителя признака демонстрирует как схожие, так и специфические черты в концептуализации идей лени /праздности и трудолюбия. Общим для того и другого поля является: а) количественное доминирование данного сектора среди других; б) логическая производность от процессуального сектора (ср. “ходить без дела” ⇒ “праздный шатун”); в) существование параллелей в модификационном плане: конкретизация смысла осуществляется по признакам: пол (*польгалка* ‘бездельница’ – *трудобилицца* ‘трудолюбивая женщина’), род занятий (*недопря* ‘ленивая или неумелая и нерасторопная пряжа’, *ватруха* ‘ленивая стряпуха, кухарка’ – *паляя* ‘ловкая в работе женщина, хорошая рукодельница’), единичность – множественность субъекта (*нерадельщина* ‘о ленивых, нерадивых, плохих работниках’ – *гарты* ‘хорошие работники’), степень проявления признака (*отех* ‘крайне ленивый человек’ – *двойник* ‘об очень много, за двоих работающем человеке’).

Что касается различий, то при реализации идеи лени /праздности наблюдается большая степень категоричности в оценке субъекта. Это проявляется, во-первых, в преобладании (примерно в 2 раза) существительных над прилагательными; во-вторых, в существовании определенных типов лентяя – “шатун”, “лежебока”, “белоручка”, “пустомеля”, “тунеядец”. О тенденции к дескриптивности в квалификации субъекта положительного отношения к труду можно судить по примерно равному количеству существительных и прилагательных и распространенности среди существительных описательных определений субъекта (*копа* ‘тот, кто делает тщательно, усердно, вникая в мелочи’). Для лени актуально различение субъектов по возрасту (*отдовка* ‘непослушная, ленивая девочка’, *пахолок* ‘ленивый, изнеженный мальчик’); в то время как данный параметр составляет лакуну в семантическом поле “Положительное отношение к труду”.

Линии семантической связи поля “Положительное отношение к труду” со смежными полями “Динамические качества”, “Физические качества человека”, “Умственные способности”, “Отношение к собственности”, “Отношение к людям” проливают свет на некоторые представления, связанные с оценкой деловых качеств человека. Так, по мнению диалектоносителя, положительные внутренние интенции человека, направленные на труд, должны быть подкреплены его физическими и динамическими возможностями (*воротила* ‘очень сильный и много работающий человек’, *муха ему на руку не сядет* ‘об очень подвижном, работающем человеке’). Помимо физических данных, в успешном выполнении работы важны интеллектуальные способности, среди которых ценится умение быстро соображать, принимать решения, изобретать (*гусар* ‘смекалистый, работающий человек’, *вытный* ‘умный, деловой, добропорядочный; дельный, работающий’). Притяжение полей “Положительное отношение к труду”

и “Собственность” свидетельствует о том, что носитель языка отнюдь не заблуждается на счет бескорыстности повышенного стремления к работе (*омех* ‘человек, чрезмерно много работающий ради накопительства, из жадности’). Связь понятий можно интерпретировать как взгляд крестьянина, думающего о практической пользе и высоко ценящего заботу о хозяйстве. Тесное взаимодействие анализируемого поля с семантикой, характеризующей трудолюбца по его отношению к людям, демонстрирует амбивалентность оценки трудолюбивого человека – он и тихий, скромный (*кикимора* ‘о тихом, скромном, трудолюбивом человеке’), и бойкий, веселый, обходительный (*ладовитый* ‘хозяйственный, деятельный’, ‘такой, который живет с другими дружно, в согласии’), и вместе с тем грубый (*калаед* ‘работающий, но скупой и грубый человек’). Подобное разнобразие характеров, на наш взгляд, отражает внимание носителя языка к проявлению в работе качеств личности трудолюбца.

Поле “Отрицательное отношение к труду” неоднородно в плане взаимодействия с другими семантическими пространствами. Так, единицам раздела ‘проводить время впустую, праздно, бездельничать’ свойственно строить семантику путем специализации или генерализации значений, принадлежащих другим полям. К полям, вступающим в подобную связь с семантикой безделья, относятся “Движение” (*бродяжить* ‘ходить без дела’), “Речевая деятельность” (*басни расправлять* ‘бездельничать, болтать’), “Поведение” (*подичать* ‘подурачиться, побездельничать’). Иным образом реализуются отношения идеи безделья с семантикой ‘обмана’, которая может быть интерпретирована как вторичная по отношению к понятию безделья, ср. устар. *бездельничать* ‘мошенничать, обманывать, плутовать’, диал. *галанить* ‘бездельничать, болтаться без дела’, ‘заниматься обманом, плутовать’.

Другая сектор поля, отвечающий за описание субъекта лени/праздности, вступает в более паритетные отношения с соседними полями. Единицы сектора не только зависят от семантики других полей, но и развивают вторичные значения из смежных семантических сфер. Смысловые пересечения при этом предполагают причинно-следственные отношения, но логический вектор связи здесь не всегда отчетлив, поскольку характеристика субъекта предполагает зачастую сочинительные отношения между признаками. Тем не менее, несмотря на условность, мы можем предполагать следующие представления о следствиях лени/праздности: **лентяй > обманщик, плут, хитрец** (*карась* ‘хитрый и ленивый человек’, *варлыжник* ‘лентяй’, ‘непостоянный, легкомысленный человек, обманщик’); **лентяй > неряха** (*колобёна* ‘замарашка, ленивая, неопрятная хозяйка’, *лежа опоролоса* ‘о ленивой, неряшливой женщине’); **лентяй > упрямец** (*лобозина* ‘об очень ленивом и упрямом человеке’, *козой* ‘упрямец, лентяй’); **лентяй > повеса, волокита** (*гулеван* ‘бездельник, гуляка, волокита’); **лентяй > пьяница** (*висленя* ‘баловень, забулдыга, лентяй; неработающий член семьи’); **лентяй > озорник** (*ишлѣнки-отлѣтки* ‘бездельницы-озорницы’). В качестве обратных отношений (когда у состояния лени ищется причина) можно представить следующие логические пары: **толстяк > ленивый человек** (*бубень* ‘о толстом, ленивом человеке’); **вялый, хилый, унылый человек > ленивец** (*кислух* ‘вялый, ленивый, унылый человек’).

Характеризуя семантическую организацию полей в целом, следует отметить два существенных момента. Во-первых, идея отрицательного отношения к труду получает *большую* дифференциацию в частных смыслах. включают осмысление внутренней и внешней формы проявления признака. Но идея лени /праздности предполагает не только эмоциональную, но и физическую составляющую внутреннего самочувствия. В плане внешнего проявления признака обе идеи симметричны при характеристике способа выполнения работы (ср. оппозиции оценок ‘быстро’ – ‘медленно’, ‘умело’ – ‘неумело’, ‘ответственно’ – ‘безответственно’), но если конкретизация идеи трудолюбия этим ограничивается, то идея лени /праздности обозначает также ряд денотативных ситуаций и актуализирует представление о праздности как образе жизни.

Во-вторых, смысловая дифференциация двух идей разную природу. Семантика отрицательного отношения к труду в большей степени связана с функционированием стереотипных представлений о типичном содержании настоящего дела и о типичном лентяе. Это наглядно проявляется в противопоставлении Дела и некоторых других видов деятельности (хождения, сидения, разговоров), а также в закреплении за субъектом лени/праздности определенных “ярлыков” (см. выше). Что касается идеи трудолюбия, то здесь доминирует, скорее, нормативное мышление, отражающее мир с позиции соответствия или несоответствия норме. Воспроизводимый во множестве актов деятельности способ выполнения работы (быстро, ловко, умело, с увлечением и т.п.), ведущий к положительному результату, становится трудовой нормой, на которую в дальнейшем ориентируется носитель языка при положительной оценке трудового процесса и деловых качеств человека. Именно подобная ценностная ориентация обусловила значимость сектора ‘основания оценки’ в структуре поля и существование оценочных оппозиций.

Во ВТОРОЙ ГЛАВЕ (*Базовые модели поля “Отношение человека к труду”*) описывается смысловое пространство, получаемое при расширении смысловых границ до уровня полей, с которыми поле “Отношение человека к труду” вступает в мотивационные отношения. Данная область смыслов (в работе она получила наименование **семантико-мотивационного поля**) эксплицирует предельно субъективные представления носителей языка, поскольку ее содержание определяется совокупностью признаков, “схваченных” носителем языка при номинации. Мотивационная семантика являет собой ценный источник этнокультурной информации, надежность которого гарантируется, во-первых, “срастанием” смысла с языковой формой; во-вторых, регулярностью мотивационных отношений, ведущей к появлению **мотивационных моделей** в рамках поля. Информативность внутренней формы лексических единиц повышается, если наряду с реконструкцией мотивационного признака находится ответ на вопрос, *почему* языковое сознание обратилось именно к тому или иному фрагменту действительности, характеризуя данный объект, т.е. наряду с определением способа номинации мы обращаемся к интенциям номинатора, к собственно мотивации.

Регулярное обращение носителя языка к одной и той же денотативной сфере в поисках номинативного материала обуславливает формирование **базовой**

семантической модели. Так, в некоторых случаях внутренняя форма единиц поля “Отношение человека к труду” строится за счет представлений и образов, связанных с МЕСТОПОЛОЖЕНИЕМ В ПРОСТРАНСТВЕ, ср.: *на горке лежать* ‘бездельничать’, *болтаться по заугольям* ‘ходить без дела, бездельничать’; *настой* ‘упорно, настойчиво трудиться’; *прилежать* ‘стараться делать что-либо’ и т.п. Анализ мотивационных отношений единиц, обозначающих отрицательное и положительное отношение к труду, выявил **общий “ассортимент” базовых моделей** для двух составляющих концептуального поля “Отношение человека к труду”: **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** (*делущий* ‘работящий’; *непряшыха-неткашиха* ‘лентяйка, белоручка’), **ДВИЖЕНИЕ** (*побегушка* ‘трудолюбивая, энергичная женщина’; *недодвига* ‘ленивый и медлительный человек’), **ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ** (*ломить* ‘быстро и энергично работать’; *прогнуть* ‘пробездельничать’), **МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ** (*падкий* ‘способный, умелый, старательный’; *подъёмистый* ‘трудолюбивый, легкий на подъем’; *на горке лежать* ‘бездельничать’), **ЧЕЛОВЕК КАК БИОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО** (*мозолиться* ‘делать что-либо с большим трудом, стараться’; *пыхляк* ‘лентяй, лежебока’), **ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ** (*ладовитый* ‘хозяйственный, деятельный’; *очужаться* ‘уклоняться от работы’), **СОБСТВЕННОСТЬ** (*доможирный* ‘трудолюбивый, любящий свое хозяйство’; *алтынник* ‘лентяй’), **ЗВУК И РЕЧЬ** (*свистать* ‘работать много, усердно’; *трынкать* ‘бездельничать’), **ЖИВОТНЫЕ** (*крот* ‘прозвище трудолюбивого человека’; *мериньё* ‘о мужчинах-бездельниках’), **СВОЙСТВА МАТЕРИАЛОВ И ВЕЩЕСТВ** (*плотно* ‘старательно, усердно’; *дрябь* ‘бездельник, лентяй’), **МИФОЛОГИЯ** (*кикимора* ‘о тихом, скромном, трудолюбивом человеке’; *лешак* ‘лентяй’), **ЕДА** (*вытнный* ‘умный, добропорядочный, работящий’; *дармохлебоед* ‘тот, кто живет на чужой счет, бездельник’) (всего 12 моделей).

Базовые модели **ОБРАЗ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ** (*легкобытник* ‘лентяй, тунеядец’, *гули* ‘о стремлении к праздному, разгульному образу жизни’) и **ПРЕДМЕТЫ НЕОДУШЕВЛЕННОГО МИРА** (*колодина* ‘лежебока, лентяй’, *онучка* ‘лентяй(-ка)’) реализуются только словами с семантикой праздности. Предположение о самостоятельности формирования мотивационной логики в рамках полей “Положительное отношение к труду” и “Отрицательное отношение к труду” обусловило раздельное рассмотрение смыслового наполнения моделей в § 1-2 главы. § 3 включает сопоставление мотивационных особенностей, характерных для каждого из изучаемых полей.

Описание базовой модели строится на первоначальном выделении частных мотивационных моделей, т.е. обнаружении признаков, релевантных для обозначения вновь познаваемых реалий, и последующей идентификации этих моделей путем соотнесения с определенной смысловой сферой. Поиск мотива номинации предполагает учет как языковых фактов (свойство экспрессивности лексических единиц, существование универсальных семантических моделей), так и обращение к внеязыковому контексту – ментальным образам, мифологическим представлениям или практическому опыту.

Так, лексема *коваль* ‘хороший мастер, знаток своего дела’ реализует частную мотивационную модель ‘мастер, умелец’ ← ‘кузнец’, которая варьирует

более общую мотивационную модель ‘характеристика человека по отношению к труду’ ← ‘наименование рода деятельности, профессии’, что относит ее к базовой модели ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. За данной мотивационной моделью стоит, во-первых, ценностное отношение традиционного сознания к людям, имеющим специальные знания в производстве вещей, во-вторых, восприятие кузнеца как человека бывалого, опытного, что отражается в семантическом развитии лексемы *коваль*, в-третьих, практический опыт, утверждающий необходимость данного рода деятельности для повседневной жизни.

Мотивация выбора того или иного номинативного признака может быть двух типов. Так, смысловое отношение между производящим и производным словом может быть движимо *прагматической* интенцией номинатора – выразить положительную или отрицательную эмоциональную оценку объекта номинации. Примером подобной мотивации служит модель ‘хороший работник’ (*делальщица, трудник, работень*) ← ‘работать, трудиться’, в основе которой лежит стремление номинатора дать одобрительную оценку занятия трудом, делом, работой.

Действие *когнитивного* механизма мотивации наиболее наглядно проявляется в номинативных фактах, основанных на метафоре, семантическом переносе. В этом случае представление, связанное с внутренней формой слова, может оформляться в виде, во-первых, того или иного **концептуального признака**, раскрывающего определенный аспект концепта (например, признаками, связывающими образ муравья и значение ‘трудолюбивый человек’, выступают *быстрота и выносливость*). Во-вторых, внутреннюю форму единиц могут мотивировать некоторые ситуации, определяемые нами как квазиденотативные, поскольку они отражают не реальную действительность, а то, как интерпретируют ее носители языка. Так, связь глаголов со значениями типа ‘рыть, зарывать’ с характеристикой усердного труда (ср. *зарывно* ‘усердно, старательно’, *наройный* ‘старательный, прилежный, работающий’) определяет квазиденотативная ситуация *увлечения делом*.

Таким образом, обобщение и интерпретация материала в рамках данной главы происходит на двух уровнях: при формировании базовых моделей и при определении механизмов языкового воплощения концептуальных представлений.

В мотивационном поле “Отрицательное отношение к труду” по количественному показателю (это важный критерий маркированности того или иного смысла) выделяются сразу две базовые модели – ДВИЖЕНИЕ и ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. В поле с противоположной семантикой абсолютным лидером является ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Актуальность мотивационных отношений между лексикой, обозначающей собственно деятельность, и словами, означающими отношение к деятельности, предсказуема: именно деятельностные характеристики (занятость/незанятость работой, предпочтение определенного вида деятельности, качество выполнения работы и т.п.) проявляют интенции субъекта труда. Вместе с тем логика реализации данной модели в анализируемых полях обнаруживает как сходные, так и различные черты.

В мотивации единиц обоих полей существует “магистральный” путь к ядру поля “Деятельность”. Проходя по этому пути, номинация опирается на общие наименования деятельности (труд, работа, дело); мотивационные модели здесь выстраиваются в антонимичную оппозицию (‘занятый производительной деятельностью’ – ‘незанятый производительной деятельностью’: *трудолюбив* – *нетрудолюбив*, *работень* – *неработень*). Когда же мотивация обращается к более конкретным смыслам, пути “лени / праздности” и “трудолюбия” несколько расходятся.

Если номинации “трудолюбия” используют общие характеристики деятельности – промысел, занятие, выполнять (*промысленный*, *занятливый*, *выполнивый*) или обозначения производственных процессов – стругать, рыть, конопатить (*приструженный* ‘расторопный, старательный’, *конопатиться* ‘кропотливо и усердно делать что-либо’, *зарывно* ‘усердно, старательно’), то номинации отрицательного отношения к труду задействуют, скорее, “качественные” виды деятельности (лентяй не желает заниматься “черной” работой, предпочитает работу, не требующую личной ответственности, женские или не требующие усилий занятия, ср. *пряха*, *белянушка*, *поповский работник*, *служавой*).

И в том и в другом поле существует блок слов, отражающих посредством внутренней формы разные аспекты деятельности, но акценты в данном случае не совпадают: “**трудолюбие**” – объем работы (*двойник*, *многодильный*), цель работы (*обряжуха* ‘тот, кто умело, ловко выполняет работу’ < *обряжать* ‘убирать, приводить в должный вид’, *строевой* ‘деловой, знающий, опытный в делах’ < *строить* ‘устраивать, приводить в порядок, в должный вид’), способ выполнения (*конопатиться*); “**лень**” – результативность (*делать на клин*, *пазуба*, *абыкать*), темп работы (*коня понуждать* ‘подгонять ленивого человека’, *понуга*), взаимодействие с другими работниками (*неподспорный* ‘неумелый, неработающий’).

Значим в этнокультурном плане факт наличия мотивационной модели ‘характеристика человека по отношению к труду’ ← ‘наименование рода деятельности, профессии’ (*коваль*, *дохтур*, *комедчик*, *гусар*) в поле трудолюбия и ее отсутствие в антонимичном поле, что свидетельствует о высоком статусе профессиональных знаний и умений в системе ценностей народа. При этом традиционное сознание отрицательно маркирует некоторые трудовые занятия: прежде всего, работу на отхожих промыслах и работу по найму (*десятильщик* ‘лодырь’ < ‘работник, которого в прежнее время нанимали на период жатвы со сдельной оплатой (‘с десятины’)’, *бурлака* ‘лентяй, бездельник’ < ‘человек, работающий по найму на отхожих промыслах’). Это еще раз говорит об актуальности для носителя подобного типа сознания “домоцентристской” позиции (“работа вне деревни, которую я не могу наблюдать, не есть настоящая работа”), а также о низкой оценке “работы не на себя”, сводящей к минимуму личную заинтересованность и ответственность, предполагающей, как правило, частую смену места деятельности или работу время от времени, что не может приветствоваться закрепленным в жесткие рамки сельскохозяйственных процессов крестьянским тружеником.

Доминирующее положение базовой модели ДВИЖЕНИЕ в поле “Отрицательное отношение к труду” поддерживается смысловым потенциалом идеи

движения, который заключается в разнообразии подходов номинатора к реализации идеи лени/праздности. Движение, двигательная активность человека является одним из важнейших показателей его дееспособности. Квалификация лентяя в рамках базовой модели ДВИЖЕНИЕ реализует оба возможных “диагноза”: “способен” и “неспособен”. В первом случае носитель традиционного сознания наблюдает ходящего без видимого дела человека и делает выводы о нежелании последнего должным образом применить свою способность двигаться. Общее представление о несоответствии норме мотивирует подбор производящих глаголов движения и содержание мотивационных признаков. При номинации “человека без дела” чаще всего задействуются образы разнонаправленного движения, отсутствия направления, его потери (*ботаться, ходить бродя, бродней*: ‘слоняться без дела’, *беспутый, пустоброд, блудея, вольношатуний*: ‘человек, шатающийся без дела’). При этом разнонаправленное движение может давать ряд смысловых вариантов: а) представлять в виде “маятникового” движения (*киваться, колыхаться, хомутаться*: ‘слоняться без дела’); б) получать интенсификацию при помощи признака ‘беспорядочно’ (*мотуций* ‘праздный человек’, *простошныра* ‘шатун, дармоед, бездельник’); в) сочетаться с отсутствием твердой опоры (*оболтаться* ‘разболтаться, стать ленивым’). Подобная смысловая нагрузка обусловлена способностью данной характеристики движения метафорически обозначать нравственные мотивы и цели человека. Таким образом, носитель языка констатирует отклонение и от социально-нравственной нормы.

Если же объект номинации отрицательно оценивается в двигательном плане (*недодвига, невыворотный, неразвязный, суслон*: ‘ленивый, медлительный человек’), то недееспособность человека мотивируется идеей неполноценности. Кроме того, затрудненность в движениях в силу негативных ассоциаций способно давать отрицательную поведенческую оценку (*таскаться* ‘шататься по сторонам по худым делам или тунейдно’).

Одним из основных репрезентантов идеи лени/праздности выступает базовая модель ОБРАЗ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ, в рамках которой реализуется характеристика только отрицательного отношения к труду. Она обобщает представления, связанные как с *отдельными эпизодами* нетрудового времяпрепровождения (т.е. типом поведения лентяя), так и *постоянную склонность* к такому поведению (т.е. образ жизни). Когнитивной установкой при реализации данной модели послужило противопоставление определенных занятий, воспринимаемых носителем традиционного сознания как ненастоящие, несерьезные, и труда как настоящей деятельности. Воплощение подобной установки предполагает, с одной стороны, конкретизацию видов праздной деятельности – пьянство, баловство, шалости, хождение из двора во двор и т.п. (*‘слоняться без дела’: куликать, галавесничать, колядоваться*; *лентяй; шатун: межедвор, мухой, куропас*), с другой стороны, атрибуцию этой деятельности с позиций этической, утилитарной или гедонистической оценки как безответственной, бесполезной, беззаботной или приятной (*легкобытник, загулеха*: ‘любитель погулять, легкой жизни, лентяй’, *жировать* ‘отдыхать, бездельничать’). Наиболее часто маркируются внутренней формой представления о гулянии как основном способе времяпрепровождения

человека, отрицательно относящегося к труду, и беззаботности как главной характеристике праздного образа жизни.

В поле “Положительное отношение к труду” особо выделяется базовая модель **ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ДЕЙСТВИЯ С ПРЕДМЕТАМИ**. Ее значимость внутри поля диктуется срабатыванием языкового механизма, в соответствии с которым семантика воздействия на предмет становится базой для формирования экспрессивных смыслов: понятийный компонент в производящей семантике отходит на второй план, выдвигая в качестве мотивационного признак интенсивности (*отчебучивать, отпластывать, ломом ломить* ‘интенсивно работать’).

Остановимся еще на двух случаях сопоставления изучаемых полей. Первый касается разных способов воплощения базовой модели **ЖИВОТНЫЕ** в противопоставленных полях. Активность “зоологической” модели в поле “Отрицательное отношение к труду” выражается в богатом ассортименте образов домашних животных (*двуногий баран, жеребенок, ховря, кабан, меринье, бугай, козловать*) и представителей дикого животного мира (*тюлень, байбак, карась, пузатый налим, улитка* и др.). При этом образы домашних животных явно преобладают над дикими, так как носитель диалекта обращается к образу домашнего животного не только как представителю биологического вида, но и как носителю определенной хозяйственной функции, что исключается в отношении дикой фауны. В связи с этим показателен образ лошади, который становится не только базой для номинации человека по отношению к деятельности, но и ее объектом (наравне с человеком), ср. *качалко, валюжина, лайба* ‘ленивая лошадь’.

Наиболее частотным является мотивационный признак ‘медлительный’ (*коня понуждать, улитка*), а также синонимичные признаки, характеризующие двигательную активность лентяя: ‘ведущий малоподвижный образ жизни’, ‘неповоротливый’, ‘склонный к лежачему образу жизни’ (*тюлень, ошкуй, утельга, ховря, кабан*). Логическая связь присоединяет к данным характеристикам и объединяет в одно целое признаки ‘утративший жизненную силу’ (*валух, меринье*), ‘склонный впадать в спячку’ (*байбачок*), ‘холоднокровный’ (*карась*), ‘рассеянный, невосприимчивый’ (*кипалух < кипалуха* ‘глухарка’, ср. *кипалух* ‘ротозей, разиня’). Образ, который представляет совокупность данных признаков, можно определить как образ “пассивного” бездельника, чье отрицательное отношение к труду и деятельности в целом исходит из особенностей его физического состояния и темперамента.

Языковое сознание не только обрисовывает статичный “портрет” бездельника, но и фиксирует динамичные “картинки”, в которых при помощи образов животных отражается отрицательная утилитарная оценка времяпрепровождения лентяя – неисполнение им своих обязанностей, непригодность к работе, уклонение от участия в производительной деятельности, бесполезность его занятий (*собакам сено косить, на собак лаять, быкам/коровам хвосты крутить, лягушек бить*).

Реализации базовой модели **ЖИВОТНЫЕ** в поле “Положительное отношение к труду” немногочисленны. Образы животных в данном случае используются не во всей их полноте, а как эталоны определенных качеств: подвижности, быстроты, выносливости, усидчивости (*суякотка < ‘муравей’, халторга < ‘самка оленя’, курохта < ‘куропатка’*). Отличительной чертой данной модели явля-

ется объективация представлений о “нечеловеческом” характере самого труда (*работать/ крутиться как пчелка, как белка в колесе, как бобик, как вол, как зверь, как ишак, как <ломовая> лошадь*).

Второй случай концептуальных различий двух противоположных идей связан с “имущественной” моделью. В поле “Отрицательное отношение к труду” базовая модель СОБСТВЕННОСТЬ имеет относительно небольшой выход в лексическое пространство. Данное обстоятельство мы склонны объяснять изначальной несущественностью имущественной темы для образа лентяя – он имеет минимум собственности (поскольку не желает работать, чтобы ее получить). Логика развертывания модели основывается на значимости для народного сознания некоторых имущественных аспектов. Во-первых, владение собственностью предполагает определенную ответственность человека; лентяй снимает с себя эту ответственность, что мотивирует появление номинаций *бобыль, кортомыга* (< *кормить* ‘брать в аренду’), *мотовец*. Во-вторых, имущество (в данном случае, дом, одежда) может мыслиться как результат труда; лентяй, отказываясь от труда, теряет возможность обладать этими результатами (*нагая лапоть, бездомовный*) или подменяет труд другим источником дохода (*приколотная гривенка, жмыль*).

Рассматривая вариант развития модели СОБСТВЕННОСТЬ в поле “Положительное отношение к труду”, можно отметить, что связь между трудом и собственностью может представляться как отношения между собственно деятельностью и целью/результатом этой деятельности. В контексте последнего представления закономерным видится преобладание единиц, мотивированных признаком ‘копить, собирать’ (*гоношить, кукобник*): в значение этих слов входит имплицитная сема ‘результат’. Таким образом, в рамках этой модели *результат трудовой деятельности* имеет материальный характер. При этом носитель языка вносит дальнейшее уточнение – целью и результатом труда чаще всего является денежный запас (см. *капиталик, казнодей*). Развертывание базовой модели следует достаточно четкой логике, отражая этапы процесса приобретения собственности: ‘желать иметь что-либо’ (*зависть, завистный*) – ‘копить, собирать’ (*гоношить, кукобник*) – ‘быть жадным’ (*омех, аред*) – ‘обладать капиталом’ (*капиталик, казнодей*) – ‘иметь дом, домашнее хозяйство’ (*домовик, обиходец*).

Итак, интерпретация на подобных основаниях всего материала показала, что совокупность представлений, эксплицируемых семантической организацией и мотивационными связями лексико-семантического поля “Отношение человека к труду”, состоит из двух концептуальных блоков: 1 – хранит “портреты” типичного лентяя и работающего человека, включающего “кадры” из их жизнедеятельности; 2 – отражает комплекс ценностно-нормативных представлений носителя языка о самом труде. Однородность смыслов, реконструированных на разных уровнях, позволяет связать их в своего рода метатекст, несущий целостную информацию об отражаемом в языковом сознании объекте действительности.

В качестве иллюстрации приведем **“портрет” субъекта отрицательного отношения к труду** (в работе представлены также “портреты” субъекта положительного отношения и труда в целом). В н е ш н и й в и д. Представляется

или толстым, тучным (*гладкий, опухляк*), или высоким, рослым (*лосман, барда-дым*); эти качества не дают ему способность двигаться и действовать без затруднений или являются поводом для уличения в сознательном неиспользовании своих физических данных. Имеет большой живот (*пузатый налим*), что связано с его склонностью к обжорству и малоподвижному образу жизни. Часто пребывает с открытым ртом (*рот пялить*), с ускользающим или мигающим взглядом (*шары загибать, моргу гонять*). П о з а . В основном лежит или сидит (*лежебока, сидеть сиднем*). Руки находятся в пассивном положении: в кармане, на затылке, ощущаются как “неподъемные” или просто сложены (*руки в брюки, нос в карман, руки на затылке, рука, нога по пуду – работать не буду ‘о ленивом человеке’, ручки скласть*). Ноги могут быть задраны в потолок, скрещены, положены нога на ногу (*ноги в потолок, ноги крестом, нога на ногу сидеть*). Неспособен согнуть спину (*недолукий*). Об щ е е ф и з и ч е с к о е с о с т о я - н и е . По мнению носителей языка, для лентяя характерна пониженная температура (*прохладство, пузатый налим, постылый*), отсутствие жизненных соков (*дрябь, развара*), вялое протекание жизненных процессов (*коковка, лубоня*). Пребывает в усталом, болезненном, дремотном состоянии (*вусталь ‘лентяй(-ка)’, квёлый ‘ленивый’*). Д и н а м и ч е с к и е в о з м о ж н о с т и . Не соответствуют норме обычного человека, что приводит к неспособности повернуться, сделать шаг, в целом двигаться (*неступистый, недодвига*). Координация движений нарушена (*очепало*). Движения замедленны. Предпочитает малоподвижный образ жизни (*кабан, колбатина*). И н т е л л е к т у а л ь н ы е с п о с о б - н о с т и . Невосприимчив, глуп, рассеян (*обалдус, нечукавый, кипалух*). В работе иногда излишне мудрит (*замудровый*). Э м о ц и о н а л ь н о - в о л е в а я с ф е - р а . Находится в плохом настроении, уныл, капризен, равнодушен к окружающему миру, не имеет никаких желаний (*кислух, постылый, нехотиха, гмыра, охмураяться*). Н р а в с т в е н н о - п о в е д е н ч е с к а я с ф е р а . Дает себе волю в поступках (*попускаться*). Не имеет поведенческих ориентиров и устойчивой позиции (*висляй, оболтаться*), нравственная жизнь как бы застывает (*остуженник*). Хитрит, обманывает, притворяется, кривляется, мешает, наводит смуту (*лукавить, лодыря корчить, плутяжной, пучкаться, баламутка*). Часто проявляет упрямство (*огурь ленивая, озой*). Избалован (*баловной, бажаный*). В р е м я п р е п р о в о ж д е н и е . Свободное время имеет “даром” (*даровик*). Времяпрепровождение в целом бесполезное, беззаботное, безответственное, бесконтрольное, приятное. Предпочитает гуляние, веселье, пьянство, застолье, бессодержательные разговоры, смех, сплетни, хождение, особенно из двора во двор (*гуляка, пустозрайничать, гагай, междедвор*). Проводит время в теплом, укромном месте, где можно полежать или скрыться (*недриться, печегнет*). Посвящает себя детским забавам, шалостям, озорству (*пахолок, галавесить*), а также бессмысленным занятиям: ловить вшей, пасти кур, бить мух (*вошапру-диться, куропас, мухобой*). В з а и м о д е й с т в и е с д р у г и м и л ю д ь м и . Отвергается обществом (*клятина, ганява*); воспринимается людьми как чужой (*очужаться*). Стремится соединиться с себе подобными (*меринье, огуль*). Живет, питается за чужой счет (*чужеяд, захребетник*). Является объектом физического воздействия (*обойный ‘ленивый и худой, тощий, которого часто бьют (о*

лошади)’, *обоиш* ‘об упрямом и ленивом человеке, которого не исправишь и побоями’). Не помогает в работе (*неподспорный*), не выполняет поручения (*безнарядица*), нуждается в понукании (*коня понудать*). Склонен словесно выражать свое несогласие работать (*неткарь*). Социальный статус. Может принадлежать к привилегированному сословию (*наниться, барина*) или к разряду нищих, бродяг, бобылей (*бобылиться, приколотная гривенка*). Частная собственность. Не имеет земли, дома, одежды (*бездомный, нагая лапоть*). В отношении к собственности проявляет негативные свойства: расточительность (*мотовец, нерачать*), скупость (*алтынник, жмыль*), а также неряшливость, неаккуратность (*колобена, опущенник*). Снимает с себя личную ответственность по отношению к собственности (*кортомыга*). Деятельность. Не занимается полезным производительным трудом. Не имеет никаких деловых способностей – не активный, не ловкий (*неяглый, неудалый*). Проявляет негативное отношение к работе – отсутствие желания работать, заботы о труде, старательности (*недбалый, незлой*). Не готов к серьезной работе (*распустить возгри*). Выполняет работу медленно, без точного плана, с частыми остановками, поверхностно, неудачно, облегченным способом; совершает промахи, не доводит ее до конца, заводит в тупик (*понуга, абыкать, повершье, кулеванить, работать на клин, оглядки часто брать, ленивые щи*). Предпочитает работу, не требующую усилий и ответственности (*пряха, десятильщик, поповский работник, служавой*).

В заключающем вторую главу сопоставительном параграфе (*Проблема концептов “лени/праздности” и “трудолюбия”*) исследуются механизмы смысловой связи противоположных концептов как источники этнокультурной информации о феноменах лени/праздности и трудолюбия. Объекты анализа – разновидности оппозиции, в которую вступают два полюса поля “Отношение к труду”. Связь между концептами “лени/праздности” и “трудолюбия” может реализовываться, во-первых, в рамках симметричных отношений, предполагающих наличие контрастных характеристик в сходных аспектах, ср. мотивационные признаки ‘работать быстро’ (*побегушка, загнаться, притно*) // ‘работать медленно, мешкать’ (*посёмывать, вальяжничать*); ‘иметь дом, домашнее хозяйство’ (*домовик, обиходец*) // ‘существовать бобылем; нищенствовать’ (*бобыль, приколотная гривенка*). Во-вторых, на каком-либо этапе словопроизводственного процесса различия между концептами могут нейтрализовываться, что говорит или о совпадении угла зрения на объект номинации, ср. мотивационную модель ‘сидеть’ → ‘работать долго, усердно’ (*колом засесть, сидмя сидеть*) // ‘быть ленивым’ (*сидеть сиждю, сидеть коликом*), или об общности языковых механизмов, ср. актуализацию признака интенсивности или иронической оценки, обусловившую энантиосемию искомых значений в лексемах *ерыкала, кехтать, обиходница*. В-третьих, акцент может ставиться на выявлении специфических черт каждого концепта (вне противопоставления концептов). Ср. появление положительных коннотаций и мотивов удовольствия, отдыха, беззаботности у семантики лени (*бажанный, легиша, свободничать, жировать*) и, наоборот, отрицательных – у идеи трудолюбия, реализуемых в мотивах физических мучений, негативных последствий труда, отсутствия контроля за по-

ведением (*петаница, мозолиться, вытягивать жилы, охальный*). Наиболее наглядно факты асимметрии проявляются в различии логики обращения номинатора к той или иной денотативной сфере (примеры см. выше). Рассмотрение этих типов отношений между концептами сопровождается характеристикой аксиологической нагрузки и этнокультурной значимости отдельных мотивов и образов.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ диссертации обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы разработки заявленной темы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

1. *Макридина М.А. Праздность в зеркале русского языка* // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения–99: Мат-лы ежегод. регион. науч. конф., Екатеринбург, 2–3 февраля 1999. Екатеринбург: УрГПУ, 1999. С. 52–53.

2. *Макридина М.А. Опыт анализа мотивной структуры концепта “трудолюбие” в русских народных говорах* // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 233–238.

3. *Макридина М.А. Коннотативный спектр лексики семантического поля “Праздность” в русском языке* // Язык. Система. Личность. Екатеринбург: УрГПУ, 2000. С. 99–107.

4. *Макридина М.А. Лексика со значением “Праздность” и “Трудолюбие” в русских народных говорах: опыт концептуального анализа* // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения 8-й рос. науч.-практ. конф. (Орел, ноябрь, 2001 г.). М.: “Энциклопедия российских деревень”, 2001. С. 199–201.

5. *Макридина М.А. Терпим ли русский язык к лени?* // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26 октября 2001. Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 92–95.

6. *Макридина М.А. Мотивационные модели лексико-семантических полей “Общительность” и “Необщительность” в говорах Русского Севера* // Язык. Система. Личность. Национально-культурные стереотипы и их отражения в языке: Мат-лы докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. 25–26 апреля 2002 г. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С. 68–72.

7. *Еремина М.А. Рус. диал. лопарь, лопин, лопень ‘лентяй, бездельник’ и этимолого-словообразовательное гнездо корня *lop-* // Русская диалектная этимология: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 9–11.

8. *Еремина М.А. Лексические способы выражения оценки в рамках семантического поля (на материале семантического поля “Лень/праздность” в русских говорах)* // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург: УрГУ, 2003. Вып. 4. С. 77–85.